

Критика и библиография

С.Б. Филиппов. Религиозная борьба и кризис традиционализма в России XVII века. Russica. Pannonicana. Budapest, 2007. 291 с.

С 90-х гг. XX в. и в настоящее время не только в России, но и европейских странах наблюдается возрождение интереса к древнерусской культуре, раскрытию неизведанных тайн духовной жизни. К этому направлению в историографии относится монография С.Б. Филиппова, защитившего в 1993 г. в Будапештском университете докторскую диссертацию на тему «Раскол в Русской церкви и кризис традиционного эсхатологизма в России XVII в.». С первых же страниц книга заинтересовывает постановкой концептуальных проблем в плане «переоценки ценностей», поиском новых подходов и воззрений в области отечественной медиавистики. Работа представлена в качестве подведения некоторых итогов изучения древнерусской культуры и литературы, истории религиозной борьбы в России XVII в. Свое исследовательское направление автор называет культурологическим подходом к прошлому, цель которого «в постепенном осознании сущностного своеобразия древнерусской культуры как по отношению к культуре Нового времени, так и по отношению к средневековой культуре Западной Европы»¹. Книга имеет четкую продуманную структуру, состоит из трех глав, разделенных на параграфы, вступления и заключительной главы с рассуждениями о значении религиозной борьбы в России середины XVII в.

Обратимся к тематике исследовательских задач. В первой главе – «Раскол в Русской церкви: события и факты», дается краткое изложение реалий, связанных непосредственно с религиозной борьбой. Вторая глава – «Восстановление “связи времен” (Раскол и исторические процессы в Московской Руси)». В ней обзорно излагается деятельность кружка боголюбцев, направленная на «строительство» Московского царства или «возрождение» «Святой Руси» в царствование первых царей новой династии Романовых. В то же время деятельность кружка боголюбцев раскрывается и в другой ипостаси, как реализация «программы реформ середины XVI в.». Истоки деятельности кружка боголюбцев, действительно, восходят к кружку царя Ивана Васильевича IV Грозного, называемому «Избранная рада», в ранний период его правления. Тем не менее, цели и

мотивы деятельности обоих сопоставляемых в книге правительственных кружков определялись разными духовными потребностями. Так, поновление и упорядочивание богослужебной практики в середине XVII в. вполне осознавалось в верхах, управлявших страной, поскольку общественную жизнь заполняло «нескончаемое богослужение». Поэтому возникла смелость «не слушать голоса Церкви, а самим указывать ей, что и как делать», – пишет священник Димитрий Шмелев².

Третья глава – «Симптомы глубокого кризиса», посвящена старообрядчеству и его духовным вождям. Выдержки из сочинений протопопа Аввакума приводятся в книге, но отсутствует исторический портрет знаменитого вождя раскольников-староверов. При всей «огнепальности» его публицистики, ее нельзя отнести к созидательной деятельности. Старообрядчество представлено духовно-общественным явлением в свете эсхатологических страхов, распространившихся через печатную книжность и выражавших крушение средневековых народных представлений о «Святой Руси». Отдельный параграф в этой же главе – «“Богоизбранная двоица”. “Царство и священство”», где рассматривается конфликт между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, победителем из которого вышла царская власть. Вопрос этот недостаточно исследован в источниковедческом отношении. Вместо заключения в четвертой главе – «Россия на переломе» – автор размышляет о переходном периоде от русского Средневековья к Новому времени, начавшемуся с религиозной борьбы староверов с Никоновыми реформами, как о «переломе» в духовной культуре, завершившемся преобразованиями Петра I и европейзацией страны.

В книге заявлен широкий спектр сложных проблем, каждая из которых может быть объектом специального изучения. Некоторые из них, по верному замечанию автора, не разработаны в историографии. Тем не менее, исследователем представлены отдельные конкретные наблюдения над духовной жизнью в Средневековье и мировосприятием древнерусского человека по трудам российских историков, археографов, источниковедов, литературове-

дов. В качестве главных объектов выделены собственно две темы – это раскол-старообрядчество и церковная деятельность патриарха Никона как правителя с признаками диктатора в Русской церкви, друга царя Алексея Михайловича и неудачного реформатора.

По нашему мнению, автор верно наметил хронологию переходного периода от Средневековья к Новому времени, но не представил эпоху позднего Средневековья, когда формировались новые направления в культуре, изменяя традиционализм мышления. Невозможно принять формулу, приведенную Филипповым со ссылкой на П.Я. Чаадаева: «Россия скорее жила без настоящего, в прошлом и будущем»³. Чаадаев утверждал «что Россия живет в одном настоящем без прошлого и будущего». Источники свидетельствуют, что в XVII в. особенно возрастает интерес к переживаемому времени: событиям, личностям, правительственным распоряжениям, поведению воевод, приказных дьяков.

Методологию своего исследования религиозной борьбы старообрядцев с реформой патриарха Никона Филиппов заключает в ограничительные рамки, поясняя: «Это означает отказ от методологической модернизации и “вестернизации” древнерусского периода, т.е. от “конструирования” русского “Средневековья” с помощью понятий, категорий и ценностных оценок, характерных для современной нам культуры или разработанных на западно-европейском материале»⁴. Сразу же возникает вопрос, можно ли так решать поставленные проблемы позднего средневекового периода, когда значительно возросли торговые, дипломатические, культурные, конфессиональные связи со странами Европы.

Работа основана на солидном историографическом материале с учетом не только российских, но и европейских сочинений, в том числе и венгерских авторов. Сравнительно мало дается сноска на публикации источников. Ссылки на архивы отсутствуют. В лучшем положении, пожалуй, история раскола-старообрядчества. Относительно деятельности, взглядов и трудов патриарха Никона, фактические сведения в основном взяты из литературы XIX в. Особенность авторского приема использования историографического материала заключается в том, что даются предпочтения тем сочинениям, наблюдения которых и, соответственно, оценки совпадают с авторской историософской концепцией.

Так, Филиппов обращается к рассмотрению сочинения патриарха Никона – «Возражению...»⁵, дошедшему до нас в рукописном виде, и ссылается на известного археографа и историка В.М. Ундольского, высоко оценившего

это произведение и указавшего, что Никон критиковал Соборное Уложение 1649 г. за учреждение Монастырского приказа. Филиппов приводит это мнение, ссылаясь на известную его статью⁶. Однако Ундольский не представил полного разбора рукописи. Патриарх Никон дал критику Уложения не только на основе канонического и византийского права, но и собственных наблюдений и знания системы государственного управления России.

Негативный облик патриарха Никона, на наш взгляд, сложился у автора под влиянием историографии XIX в., в первую очередь сочинений митрополита Макария (Булгакова), Н.И. Костомарова, А.В. Карташева, Н.Ф. Каптерева и других церковных писателей и историков. В настоящее время этот стереотип пересматривается в исторической науке⁷. Никон не злоупотреблял правительственными (приказными) средствами для внедрения новшеств в церковную практику, но пользовался в отношении своих оппонентов по традиции церковными прещениями (запретами). Известно, что он был противником преследования раскольников с помощью стрельцких команд.

Книга С.Б. Филиппова интересна оригинальной постановкой исследовательских задач, попыткой их переосмысления, а также решением в нетрадиционном русле известных проблем истории древнерусской культуры XVII в.

В.С. Румянцева,
кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Филиппов С.Б. Религиозная борьба и кризис традиционализма в России XVII века. Budapest, 2007. С. 7, 8.

² Димитрий (Шмелев), священник. Загадка Нового Иерусалима. От Добрыни Ядрейковича до патриарха Никона // Завтра. 2007. Май. № 20. С. 7.

³ Филиппов С.Б. Указ. соч. С. 234; Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991.

⁴ Филиппов С.Б. Указ. соч. С. 7.

⁵ См.: Мнения патриарха Никона об Уложении и проч. Из ответов боярину Стрешневу и Паисию // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 423–489.

⁶ Ундольский В.М. Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. Новые материалы для истории законодательства в России // Русский архив. М., 1886. № 8. С. 605–620.

⁷ Архивными источниками не подтверждается негативный образ патриарха Никона, созданный под воздействием бояр и идеологов старообрядчества. В частности, рецензентом рассматривались дела архива Тайного приказа (РГАДА, ф. 27), а также архива Синодальной библиотеки (ОР ГИМ; ОР РГБ).